

САМИД АГАЕВ

НОЧЬ ВОЛКА

Самид Агаев

Ночь Волка

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Агаев С. С.

Ночь Волка / С. С. Агаев — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Две пары приехали на зимнюю охоту в заброшенную деревню на Смоленщине. Развлекались, стреляли дичь. В день отъезда машина не завелась. Еды практически не оставалось, и помощи ждать было неоткуда.

К ночи мороз усилился, в лесу завывали волки. Вскоре в дверь постучался заблудившийся охотник-одиночка, а наутро исчезла одна из девушек. Такова завязка этого триллера, написанного в традициях, восходящих к средневековой итальянской новелле, к «Декамерону» Боккаччо. Люди, находящиеся в замкнутом пространстве, коротают время, рассказывая истории, однако в нашем случае истории фатальны для рассказчиков. Роман о любви, предательстве, о взаимоотношениях мужчины и женщины. Самид Агаев - доцент Литературного института им. Горького, автор ряда исторических приключенческих романов. Лауреат премий им. Катаева (1996) и премии Москвы в области литературы за 2002 год. Член союза писателей России и Азербайджана. Прозе Агаева присущи динамичность и острота сюжета, тонкий юмор и глубокий психологический подтекст.

© Агаев С. С.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Самид Агаев Ночь Волка

*Это ряд наблюдений. В углу – тепло.
Взгляд оставляет на вещи след.
Вода представляет собой стекло.
Человек страшней, чем его скелет.*

И. Бродский.

*Был весел день. Хосров в час утренней молитвы
Поехал по местам, пригодным для ловитвы
Всем любовался он, стрелял зверей и вот
Селенье вдалеке веселое встает.*

Низами.

Марат проснулся от головной боли. Перелез через девушку, завис на краю, нащупывая носком далекий пол, ступил и осторожно пошел, стараясь попадать в такт огненным толчкам в голове. У низенького окна стоял охотничий рюкзак, в кармашке которого лежали таблетки. Ему не хватило двух шагов. Волна слабости затопила его и распластала на полу, но, теряя сознание, он успел отметить благодатную прохладу крашеных досок. Беспамятство длилось несколько секунд. Марат, осознал себя, испугался обмороку и ватной рукой стал нащупывать рюкзак. К счастью таблетки нашлись быстро. Здесь же, на подоконнике стояла бутылка «Боржоми». Марат разжевал сразу две таблетки, запил с минеральной водой, оттер испарину с лица и остался сидеть на полу, переводя дух.

Было темно, циферблат часов не разобрать, и нельзя понять долго ли до рассвета. Сонную тишину в доме нарушало лишь сопение, посвист и прочие носовые звуки спящих. Его страдания никто не мог разделить. Марат разозлился и сказал вполголоса:

– Вот так помрешь, и ни одна сволочь не узнает.

С кровати донесся жалобный голос Вероники:

– Узнает, Маратик, узнает. Я же не сплю. Дать тебе таблетку?

Марат злобно ответил:

– Спасибо, уже не надо.

За печкой, где спала еще одна пара, царил безмолвие.

– Иди ложись, – позвала девушка.

Марат молчал.

Девушка продолжала уговаривать и он, наконец, сдался. Пошел, лег рядом. Вероника нашла его руки и спрятала у себя под грудью. Марат заснул, уткнувшись в ее затылок.

Утро началось с гитарных аккордов. Вероника еще спала. Стараясь не будить ее, Марат выполз из закутка завешенного тканью, сел на продавленный диванчик и стал одеваться, ежась от прохладной одежды. Натянув пятнистые спецназовские штаны, поднялся и выглянул в прихожую.

Шилов в трусах и майке сидел на табурете лицом к дверному проему. Рядом, на столе, стояла початая бутылка водки, лафитник и тарелка с соленьями. Перебирая струны, Шилов пел:

– А ты вернулась с моря, я вчера видел

Словно прошлой жизни, посмотрел видик
Видик про разлуку, про твое лето
Лето это маленькая жизнь.

Заметив Марата, Шилов оборвал песню и красноречивым жестом указал на водку. Но Марат покачал головой. Шилов развел руками, едва не уронив гитару. Затем налил себе, звякнув горлышком о рюмку, и опрокинул в рот. Потянул носом, взял пальцами квашеную капусту и захрумкал ею.

Почувствовав неладное, в проеме появилась Галя. Поздоровалась с Маратом и возмущенно произнесла:

– Шилов, хватит, хватит, я тебе говорю.

Шилов сделал невинное лицо, и сказал:

– Я не пью, я капусту ем.

– Не ври, ты не ешь, ты закусываешь.

– Скажи, пожалуйста, – удивился Шилов, – какие тонкости, да ты Галя филолог. Нет, ты видел, Марат?

– Видел, – буркнул Марат.

Голова продолжала болеть. Он налил себе кипяченой воды из чайника, разжевал еще одну таблетку и, морщась, запил ее.

– Что голова болит? – участливо спросила Галя.

Марат страдальчески посмотрел на нее и сказал:

– Я же просил не закрывать так рано заслонку.

– Так я же проверила, синего пламени уже не было, только после этого закрыла, – стала оправдываться Галя.

– Дык, – передразнил Шилов, плеснул водки в лафитник и быстро выпил.

– Ты смотри, что делает паразит, – гневно воскликнула Галя, – с утра налился, и знаешь почему?

– Почему? – нехотя спросил Марат.

– Чтобы забор не делать. Два дня за ним хожу, а он не просыхает. Думала, хоть в день отъезда сделает, куда там, – Галя в сердцах махнула рукой и скрылась на кухне.

Марат направился в сени.

– Смотри там поосторожнее, не отморозь чего-нибудь, – сказал ему в след Шилов.

– Что холодно? – спросил Марат.

– На лету замерзает.

Марат присвистнул, и вышел из комнаты.

Деревня Зябликово находится в глухом лесу на Смоленщине, таком глухом, что осенью и весной проехать туда можно только на тракторе, и состоит из полутора десятков заброшенных и почерневших от времени домов. Зимой здесь никто не живет, летом наезжают любители ягод и грибов, которыми изобилуют здешние места, также летом здесь открывается дачный сезон. Родственники тех, кто когда-то поставил эти избы, приезжают сюда с детьми и живут здесь все лето. Но это только летом. Все остальное время года, по деревне свободно бегают дикие звери. А ведь когда-то, по словам Гали, уроженки этих мест, здесь были две школы и почта. Сама деревня находится у небольшого пруда на лесной проплешине, в шестнадцати километрах от асфальтовых дорог и ближайшего населенного пункта. Наши герои приехали сюда на охоту. По дороге подстрелили, попавшего в свет фар зайца, этим их охотничьи трофеи и ограничились. Два дня ходили по заснеженному лесу, проваливаясь по пояс и паля из четырех стволов в белый свет, как в копеечку.

Возвращались взмокшие и усталые, ели заячье рагу, пили водку, и отдыхали.

Иначе говоря, вкушали все прелести национальной охоты.

Прежде, чем вернуться в дом, Марат бросил взгляд на машину; Стекла белой «Нивы» изнутри заиндевели от мороза, и Марат подумал, что надо было вечером завести машину и прогреть двигатель. Он хотел подойти к ней, но потом передумал и вошел в дом.

Вместе с Маратом в комнату ворвалось облако морозного воздуха. В тепле Марат почувствовал, что у него щиплет подбородок и мочки ушей. Побагровевший от выпитой водки нос, на мороз не реагировал.

– Холодно, однако, – сказал Марат, потирая подбородок.

– Может чаю налить? – отозвалась из кухни Галя.

– Чай не водка, – подал голос Шилов, – много не выпьешь.

– Тебя никто не спрашивает, – огрызнулась Галя.

– Какой чай? – не унимался Шилов, – завтракать пора.

Марат заглянул на кухню. Галя, держа ухват, волокла из печи огромную чугунную сковороду.

– Картошки нажарила вам на завтрак, – пояснила Галя. Марат, ты умыться, наверное, хочешь, проходи.

Марат прошел за печь к рукомойнику, позвякал алюминиевым соском, поплескал себе в лицо водой.

– Вероника спит? – спросила Галя.

– Спит, – ответил Марат. Вытер лицо полотенцем и пошел в комнату собирать рюкзак.

На завтрак Галя подала жаренную с луком картошку и остатки заячьего рагу. Шилов принес и поставил на стол бутылку «Кубанской».

– Шилов, – возмущенно сказала Галя, но этим ограничилась. Шилов быстро открутил пробку, налил себе и вопросительно посмотрел на Марата. Тот покачал головой:

– Издеваешься, мне же ехать?

Шилов тяжело вздохнул, развел руками и красиво выпил: метко подцепил скользкий гриб, затем вонзил вилку в кусок жаркого и воскликнул:

– Марат, вот Вы, как хотите, но этот заяц напоминает мне курицу, которую подарили Насреддину.

– Шилов, – улыбаясь, сказал Марат, – я никак не могу отметить ту грань, после которой ты переходишь на вы; кажется, это происходит после второго стакана.

– Обижаете, начальник, после третьего.

– Ага, Шилов, вот я и вывела тебя на чистую воду. Значит ты, с утра уже три стакана выпил.

– Молчи, женщина, – грозно сказал Шилов.

– Значит, приходит к Насреддину, человек и говорит: «Уважаемый Ходжа! Давно слышан о твоём уме. Я из деревни Сучье Вымя, прими от меня в дар, в знак признательности эту курицу, и протягивает курицу...

– А Вероника спит? – перебивая Шилова, вновь спросила Галя.

– Спит, – ответил Марат, – она, если ее не будить может спать вечность. Просто Пушкин какой-то, я имею в виду спящую красавицу.

– Так надо же разбудить, пусть позавтракает, мы же поедем после завтрака.

– Не надо ее будить, пусть голодной едет, а может, оставим ее здесь, как медведя в берлоге. Дом будет охранять, а весной на вальдшнепа приедем и заберем ее.

Занавеска тут же отдернулась, словно стоящая за ней ожидала этих слов и в проеме показала одетая и причесанная Вероника.

– Доброе утро, господа.

Автор в музыке профан, из терминов знает только слово тембр; так вот этот самый тембр ее голоса был столь прекрасен, что красоту его (голоса) не могла испортить даже легкая утренняя хрипотца.

Марат кивнул. Галя сердечно ответила на приветствие. Шилов же подскочил к девушке, поцеловал ей руку и стал говорить ей длинный и запутанный комплимент, который начал словами: «Сударыня, вы прекрасны: всякий раз, когда вы выходите из спальни, у меня останавливается дыхание от восторга, потому что ваша красота-... Шилов запнулся, сбился, стал бубнить, что-то про женщин вообще и закончил свое приветствие фразой, напоминающей выражение известного философа, – ... Две вещи, сударыня, вот уже второй день, наполняют меня восторгом – утренние сто грамм и ваше появление из спальни».

Вероника внимательно все выслушала, улыбнулась и отправилась умываться. Шилов сел за стол, налил себе водки, тяжело вздохнул, и спросил у Марата:

– Слушай, почему тебя так любят молодые девушки? – И не дожидаясь ответа, продолжил – ...его любили женщины, – врачи, домохозяйки и даже одна женщина зубной техник.

Вместо Марата ответила Галя. Она сказала:

– Его любят за то, что он никогда не врет, в отличие от тебя; если обещает жениться, то женится, часто даже в ущерб своему имуществу, я бы даже сказала, слишком часто, а что касается тебя Шилов, ты кажется, сегодня дофилософствуешься, с утра пораньше.

– Ты сушеная змея, – ответил Шилов.

– Это я уже слышала.

– Возможно, но я еще не говорил, что у тебя сегодня повышенная гадючость.

Галя безнадежно махнула рукой и, отвернувшись к окну, стала пить чай. Вернулась Вероника с покрасневшим носом села к столу и пожаловалась:

– Вода просто ледяная, теперь кожа будет шелушиться, два дня холодной водой умываюсь, да еще некоторые не бреются второй день.

– Елки-палки – спохватился Шилов, – я же сегодня не брился.

Галя поднялась и налила девушке чай. Вероника поблагодарила и принялась намазывать хлеб маслом. Марат внимательно наблюдал за ней.

– Не смотри так на меня, а то я подавлюсь, – попросила Вероника.

Марат встал, сделал несколько шагов и скрылся за занавеской, закрывающей спаленку.

– Ну что, собираться пора – сказала Галя.

– Увы, – согласилась Вероника.

– Пойду бриться, – объявил Шилов.

– Смотри, не порежься. – Предостерегла Галя, – глаза-то залил.

– Небольшое кровоупускание мужчине только на пользу – гордо сказал Шилов и ушел на кухню.

Из-за занавески появился Марат.

– Пошел машину заводить – буркнул он.

– Ни пуха, – вслед сказала Вероника.

Марат, не ответив, вышел из комнаты.

– Обиделся, – констатировала Вероника и вздохнула.

Марат, прежде чем выйти во двор, зашел на кухню, чтобы прикурить от печки. Шилов, стоя возле умывальника, скоблил физиономию, напевая: «Вероника, Вероника, вкусная ты, как клубника».

– Попридержи язык, – посоветовал Марат.

– Ой, извините, – спохватился Шилов, – не корысти ради, а токмо ради рифмы.

Вероника доела бутерброд с маслом, приложила салфетку к губам: «Спасибо».

– Что, все? – Возмутилась Галя, – ты давай кушай, для кого я столько картошки нажарила.

– Я, что должна за всеми доедать?

– Нет, это твоя доля осталась.
– Я столько не съем.
– Имей в виду, нам еще целый день ехать.
– А в дороге кормить никто не будет, – подал голос из кухни Шилов.
– Ну ладно, – сдалась Вероника и протянула тарелку.
– То- то же, – сказала Галя, и содержимое сковороды переместилось в тарелку.
– Вообще- то я собиралась похудеть, так сказать в погоне за зайцем; Меня Марат взял меня на охоту вместо собаки, – Вероника вздохнула.

Появился гладко выбритый Шилов:

– Человек предполагает, а мороз располагает, – сказал он, – какие могут быть зайцы в такую морозную погоду; они все в берлогах спят.

– В берлогах спят медведи, – поправила его Галя, – а зайцы спят в норах.

– Ну, это, смотря, какие зайцы, иной заяц и в берлоге не уместится, – не сдавался Шилов, – мы раз на медведя пошли, берлогу окружили, а оттуда заяц, ка-ак выскочит, не заяц, а просто слон какой-то, напугал до смерти, гад. В берлоге мы потом медвежьи кости нашли. Вот какие зайцы бывают, медведей едят.

– Саша, хватит врать, – сказала Галя. Поди, лучше, пока время есть, забор сделай.

– Галя, ну кому в этой глуши забор помешает, захотят залезть, никакой забор не остановит, – ответил Шилов.

– Ну, тогда Марату помоги.

Шилов сказал, обращаясь к Веронике:

– Ну не любит она меня, все норовит из дома выгнать, ну не любит, и ничего с этим поделать нельзя.

– Саша, – сказала Галя.

Уловив в ее голосе раздражение, Шилов тут же надел тулуп, нахлобучил шапку и пошел во двор.

– До чего же он мне надоел, за эти два дня, – в сердцах сказала Галя, – это надо же, специально не просыхал все время, чтобы забор не делать.

– Дался тебе этот забор. Действительно, зачем он здесь нужен.

– Забор мне не нужен, – упрямо сказала Галя, – но, дело принципа. Восемь лет человек мне голову морочит: жениться не хочет, в хозяйстве от него пользы никакой; только радости – водки выпьет и на гитаре бренчит, а уж песенки эти его я слышать больше не могу.

– А ты брось его, – предложила Вероника.

– Как это брось? – опешила Галя.

– А так, сама же говоришь, что мужичонка он никчемный.

– Ну, не такой уж он и никчемный, – ответила Галя. Замечание девушки немного задело ее, и Галя едва удержалась от колкости, хотя глупо было обижаться. Оценка Шилова, прозвучавшая из уст Вероники, была спровоцирована ею самой. Галя решила впредь быть более сдержанной. Тем не менее, она сказала: – в тридцать пять лет, мужиками не бросаются.

Вероника дотронулась до ее руки и виновато сказала:

– Прости, я не хотела тебя обидеть.

– Ерунда, – бодро ответила Галя, – было бы из-за чего обижаться. Ты поела? Давай уберемся по быстрому, а то Марат сейчас орать начнет, что не готовы.

Но Марат был далек от того, чтобы орать на них; вернее, он готов был орать, но не на них, и не по этому поводу. Когда Шилов вышел из калитки, он увидел ссутулившуюся фигуру Марата, который стоял возле открытого капота и с ненавистью смотрел на мотор.

– Не заводится, – с испугом спросил Шилов, трогая приятеля за рукав.

Марат молча покачал головой. Шилов обошел автомобиль с противоположной стороны заглянул в моторный отсек.

- Может с буксира заведется, – деловито предложил он.
- А на буксир, кто нас возьмет? – спросил Марат.
- Об этом я не подумал, – сознался Шилов.

Марат витиевато выругался, залез в машину и повернул ключ зажигания. Стартер слабо затрещал, сиюсь привести в движение чугунный маховик мотора, но безрезультатно.

Марат ударил кулаком по «торпеде» и задумался; потом высунул голову и произнес, поевиваясь, – аккумулятор умер.

– Холодно, блин – сказал Шилов, и вдруг в ужасе воскликнул, показывая на бачок опрыскивателя, – смотри, водка замерзла, блин.

Марат вылез из-за руля, отеснил Шилова. Водка, залитая накануне в бачок омывателя лобового стекла представляла собой ледяную жижу.

– Это сколько же сейчас градусов ниже нуля? – спросил Марат, – сорок?

– Это вряд ли, водка наверняка левая, дешевая, в ней тридцати градусов то не будет. Вообще-то у меня дома спиртометр есть.

– Может сбегает? – предложил Марат.

– Ха, – мрачно сказал Шилов.

Марат захлопнул капот и пошел к дому. Шилов проводил его взглядом, затем оглядел окрестности и негромко произнес: «Погоды-то, какие дивные стоят».

Солнце, подернутое легкой белизной, заливало холодным светом; безмолвные деревенские дома, покрытые толстенными, округлыми шапками снега, землю, надежно укрытую снегом, деревья плотно укутанные снегом.

Стояла тишина, изредка нарушаемая треском веток, одолеваемых морозом.

– Красота-то, какая, – произнес Шилов, – хоть ложись, да помирай здесь. Холодно и тихо, – прямо как в морге. Просто ледниковый период какой-то.

Грусть, охватившая его после этих слов, потребовала движения, и Шилов сделал несколько шагов в сторону замерзшего пруда, проваливаясь в снег, и чем больше он отдалялся от дома, тем глубже проваливался. Когда погрузился по пояс, остановился в нерешительности; Задрал голову и увидел ворону, беззвучно летевшую куда-то по своим вороньим делам.

– Ну, надо же, – возмутился Шилов, – ни слова в простоте, только про морг сказал, тут же ворона прилетела, падаль клевать. Пошутить нельзя. Пошла прочь сволочь, – закричал он.

Испуганная ворона, каркнула и увеличила скорость.

– Жалко ружья с собой нет, – сказал ей вслед Шилов, – а то бы я тебе показал, блядь!

Проводил птицу взглядом, пока она не скрылась за верхушками деревьев, затем сплюнул, и заметил:

– Однако домой надо, пока яйца не отморозил, – он с усилием развернулся и пошел к дому.

Марат с хмурым выражением на лице пил чай. Вероника, сидя на убогом диванчике, листала «VOG», а Галя стояла, прислонившись к печной стене. Все трое смотрели на Шилова.

– Я ничего не сделал, – сказал Шилов, – что вы так смотрите на меня, я здесь не причем. Не смотрите так на меня, мой организм настолько проспиртован, что я могу заняться пламенем, как Меджнун.

И, обращаясь к Марату:

– А у тебя, начальник, почему лицо перекошено?

– Чай холодный, – ответил Марат.

– Вероника, в чем дело? – укоризненно сказал Шилов, – почему у кормильца чай холодный.

Вероника оторвалась от чтения и недоуменно пожала плечами.

– Печь остыла, – объяснила Галя, – я не стала с утра топить. Мы же ехать хотели; Вот и вещи все собраны.

– Придется разобрать, – злобно сказал Марат.

Галя растерянно посмотрела на Шилова, и спросила.

– Что совсем не заводится?

Шилов мотнул головой, отбрасывая чуб со лба, и пустился в пространные объяснения.

– Ну, как тебе сказать, Галя. Здесь мы имеем дело с тем случаем, при котором о женщинах говорят, мол, она немного беременна, что, безусловно, является полной нелепицей, – ибо женщина или беременна, или не беременна. Так же обстоят дела и с автомобилем; либо он заводится, либо нет. Бывают, конечно, исключения: в семье, как говорится, не без уродов. Иногда заводится, но не едет, то есть ехать нельзя на нем; но у нас не тот случай, не тот. Машина не заводится, и все тут, то есть категорически.

– Когда-нибудь, Шилов, я тебя убью, – призналась Галя.

– Но я могу сходить за трактором, – предложил Шилов, – с буксира заведем и поедем.

– Куда сходить?

– В Калиновку.

– До Калиновки шестнадцать километров, – сказала Галя, – не дойдешь.

– Я не дойду? – возмутился Шилов, – Галя, я же ишо не старый, мне ишо токо сорок три года.

– Саша, на улице мороз, – пояснила Галя, ты замерзнешь. К тому же волки. Саньку Рыжего, родственника моего дальнего недавно волки на дерево загнали; восемь часов просидел, пока лесовоз случайно не проехал.

– Во-первых, я Санька Брюнет, – начал Шилов, – во-вторых, рыжий без ружья был, а я с ружьем пойду, в третьих, у нас выбора нет.

– Ты волка вблизи не видел, а увидишь, и ружье со страху бросишь, – сказала Галя.

– Вот спасибо тебе милая, – язвительно ответил Шилов, – я знал, что ты обо мне хорошего мнения.

– А отец мой, царство ему небесное, – как ни в чем не бывало, продолжала Галя, – шел себе не спеша, а собака впереди бежала...

– Какая собака? – перебила ее Вероника.

... Лайка, нечистая правда, помесь с дворнягой, метрах в десяти впереди была. Вдруг из кустов выскакивает на дорогу огромный волк, хватает собаку за хребет и обратно в кусты.

– Какие страсти ты Галя рассказываешь, – укоризненно сказала Вероника, – это называется «счастливого пути».

– Собачку жалко, – вздохнул Шилов, – прямо заплачу сейчас.

– Ну, что будем делать? – спросил Марат.

– Никто никуда не пойдет, – твердо сказала Галя, – шестнадцать километров по такому морозу – это смерть.

Марат стал одеваться.

– Пойду, аккумулятор сниму, – объяснил он, – может в тепле отойдет; он же нормально крутил, когда мы сюда приехали.

– Сколько ему надо времени, чтобы отойти? – спросила Вероника.

– Сутки, не меньше.

– Значит, мы сегодня не уедем.

– Вы поразительно догадливы, моя дорогая, – заметил Марат.

– А ведь мне завтра в институт. Начало лекции в девять тридцать. История философии.

– Не расстраивайся, мы с Шиловым тебе расскажем и про историю, и про философию. Да Шилов?

– Всенепременно, мадемуазель, мы вам, про все расскажем.

– Может тебе за дровами сходить, а, товарищ философ? – предложила Галя, – если мы остаемся, то надо печку топить.

– Вот, так всегда, – пожаловался Марату Шилов, – только захочешь воспарить к высотам человеческой мысли или опуститься в глубины мировой души, как тебя тут же окликают «товарищем» и предлагают сходить в лес, за дровами. «Откуда дровишки, – из лесу вестимо, отец слышишь, ворует, а я увожу». Где там мои валенки?

Уходя, сказал:

– Вернусь, баню затоплю, помоемся в дорогу.

Шилов оделся и вслед за Маратом вышел из дома.

Их было видно в окно: обоих, но один пошел налево на деревенскую улицу, где стоял автомобиль; второй – направо, к лесу.

– Что же мы будем делать? – тревожно спросила Вероника.

– Ничего, – ответила Галя, – снег пойдет скоро, значит, мороз уймется, потеплеет, а там, глядишь, и машина заведется.

Первым вернулся Марат, с посиневшим от мороза носом. Прижимая к животу аккумулятор, он прошел на кухню, и положил его у подножия печки. После этого прижался к кирпичной стене, хранившей остатки тепла и замер, оглядывая угол против печи, служивший кухней. Сбоку отворилась дверь, выходящая к заднему двору, где находились хлев, овин и дровяной сарайчик. Появилась Галя, неся два полена. С грохотом свалила у топки, взяла топорик и стала щепить лучину.

– Мороз, как ножом режет, – сказал Марат.

– Это точно, – весело согласилась Галя.

– А дрова, то есть еще? – спросил Марат.

– Есть, – согласилась Галя.

– Что же ты, Александра в лес послала? – спросил Марат.

– А запас карман не тянет, – пусть проветрится, авось протрезвится.

– А где Вероника?

– Красится, – сказала Галя.

– Однако, – заметил Марат, – птичка божья не знает, ни заботы, ни труда...

Марат пошел в горницу, где за столом, строя гримасы зеркалу, сидела Вероника. Увидев Марата, она приветливо улыбнулась.

– Ты куда это собираешься? – спросил Марат.

– Никуда.

– А-а, а я думал, что ты на свидание собираешься.

– Одно другого не исключает, – невозмутимо сказала Вероника, – я собираюсь на свидание, но мне никуда не надо, потому что мой любимый находится рядом.

– Неплохо – отметил Марат. Отвел ладонью занавес и нырнул в спальню. Не раздеваясь, лег на кровать, закрыл глаза. Через несколько минут кто-то вошел в спальню и стал рядом; Марат протянул руку и дотронулся до ноги, обтянутой в вельвет. Он подвинулся, и Вероника легла рядом.

– У меня рефлекс, – тихо сказала девушка, – я не могу видеть тебя лежащим, меня сразу же тянет принять горизонтальное положение.

– Ты говорила, что это бывает, когда я смотрю на тебя, – лениво ответил Марат.

– Когда ты смотришь на меня, мне хочется лечь и раздвинуть ноги, – уточнила девушка, – а так, мне просто хочется лечь рядом.

Мужчина не ответил, молча повернулся на бок, заставив Веронику проделать то же.

– Обними меня властной рукой, – попросила девушка.

Марат обнял ее левой рукой и невольно залез ей под рубашку, прижав ладонь к ее голому животу.

Через некоторое время Вероника сказала:

– Не могу, когда ты дышишь мне в затылок.

– Когда же вы накуритесь? – спросил Марат.

– Никогда, – вздрагивая всем телом, ответила девушка.

– Молчать, золотая рота – приказал Марат, но рука его уже начала движение, надавливая на живот, к низу, к жестким волосам.

– Поцелуй меня – попросила Вероника.

– У тебя губы накрашены.

– А я вытру.

Марат стал расстегивать пуговицы ее вельветовых брюк.

– Только закрой мне рот, – попросила девушка, вздрагивая все сильнее, – я буду кричать, Галя услышит.

– Может лучше убить тебя?

– Да, убей меня.

Галины рассказы произвели на Шилова впечатление. Отправившись за дровами, он взял на всякий случай ружье. Александр повесил его за спину и если бы не санки, которые он тащил за собой, то его можно было принять за биатлониста. Ружье ружьем, но в лес Шилов углубляться не стал, побродил по предлесью, нашел сухую ель, достал топорик из-за пояса, начав с верхушки, стал обрубать ее, и укладывать дрова поперек санок. Вскоре ему стало жарко, он расстегнул тулуп, снял ружье, проверив предохранитель, прислонил его к дереву. Начав с ленцой, Шилов вскоре вошел во вкус, стал рубить с оттяжкой, с уханьем. Несмотря на мороз, Шилов вспотел; вогнал топор в корневище, выпрямился, вытер лицо и огляделся вокруг. В пылу рубки, он забыл про волков и теперь особенно внимательно смотрел на все чернеющее, на снегу. Поднял взгляд на небо. Солнце затянуло дымкой облаков, и начинал сыпаться мельчайший снежок. Лишившись солнечного света, заснеженные деревья приобрели некоторую грусть, но Шилову она не передалась, ибо движения было вдоволь. Кроме того, Шилов сделал любопытный вывод – никакая тоска, не властна над человеком, находящемся в движении. «Видимо, – развивал свою мысль Шилов, – печаль обратно пропорциональна движению, ибо печаль рождает – мысль о смерти, поскольку согласно Сократу, вечно лишь то, что находится в движении, значит, движение исключает смерть и соответственно печаль». Сформулировав сию мысль, Шилов почувствовал гордость за человечество – в своем лице. Лелея эту философскую формулу, Шилов закрепил дрова своим ремнем, взял в руку ружье и отправился к дому, из трубы которого во всю валил дым.

Сделав несколько шагов, Шилов остановился, ему вдруг почудился чей-то крик. Несколько минут он напряженно вслушивался, но звук не повторился и Шилов вновь впрягся в санный ремень, сказав себе: «Но, кобыла».

Возле самого дома, он увидел давешнюю ворону; во всяком случае, очень на нее похожую; птица сидела на проводах. Шилов, недолго думая, вскинул ружье и пальнул по ней.

Марата разбудили гитарные аккорды. Открыл глаза, вспомнил про машину. С тягостным чувством сел на кровати, привел себя в порядок и вышел в горницу, где слышались тихие голоса и негромкое пение. В комнате было сумеречно, только на полу плясали отблески пламени, вырывавшиеся из-за неплотно прикрытой печной дверцы. Шилов сидел на табуретке у окна и напевал:

Думы потаенные, губы окаянные
Бестолковая любовь. Головка-да забубенная.
Попрошу я голубя, попрошу я сизого
Пошлю дrolечке письмо, и мы начнем все сызнаова.

Дамы сидели на диванчике и молча слушали. Увидев Марата, воззрились на него, а Галя спросила:

– Как у тебя с головой, Марат?

Вопрос вызвал у Шилова смех, к нему присоединилась Вероника, но под мрачным взглядом Марата быстро утихла.

– Лучше, но ты я вижу, опять за свое взялась, печь топишь, – сурово сказал Марат.

– У нас другого выхода нет, – пояснила Галя, – иначе мы замерзнем. Мы же остаемся.

– Тогда я сплю вот здесь, – сказал Марат, указывая на диванчик, – второй ночи возле печки я не выдержу, а здесь прохладней.

– А я? – спросила Вероника, – я, где сплю?

– Вдвоем мы здесь не уместимся, – отрезал Марат.

– А любовь? – спросила Вероника.

– Сколько же можно?

– Я не в этом смысле, а в возвышенном, одухотворенном, возмутилась Вероника.

Шилов возвысил голос и пропел:

Все вы губы помните
Все вы думы знаете
До чего же мое сердце.
Этим огорчаете.

– А почему свет не зажигаем? – спросил Марат.

– Света нет, – сказала Галя.

– Почему?

– Шилов провода перебил.

– Как перебил?

– Обыкновенно, из ружья. Хотел нам на ужин ворону подстрелить, и промазал, попал в провод и перебил его.

– Слышишь, ты, вредитель? – обращаясь к Шилову, – спросила Галя, – объясни нам, зачем ты это сделал?

– Понимаешь, Галя, – откладывая гитару в сторону, заговорил Шилов, – дед мой в этих местах партизанил. Во мне, наверное, гены его проснулись.

– Татарская твоя морда, – в сердцах сказала Галя.

– Как это – татарская? – обиделся Шилов.

– Потому что ты – вылитый татарин, – настаивала Галя.

– Я русский, – твердо сказал Шилов.

– А кто твои родители? – ехидно спросила Вероника.

– Папа – еврей, мама – украинка, – честно ответил Шилов.

– А ты – русский?

– А я – русский!

– Это как же получилось?

– А так вот, разве вы не знаете, что если смешать красную и зеленую краски, то получится желтая. Ты и мы, русские люди, кто только не ходил в наших праотцах, и викинги, и монголо-татары, и немцы, а мы все равно русские; иной раз, смотришь, на митинге какой-нибудь мужичонка орет – долой, мол, инородцев, всю Россию продали, с нами не поделились, а сам-то говорит плохо, ну просто двух слов связать не может, даже матерится неграмотно, взглядишься в него – волосы черные, глаза узкие, скулы широкие – вылитый басурманин. Так что, – главное, что у тебя в паспорте написано.

– Кстати, об ужине, – вспомнил Марат, – что у нас с ужином?

– А с ужином, дорогой Марат, – хором сказали Галя и Вероника, – у нас то же, что и со светом.

Шилов вскочил с табуретки и принялся нервно ходить по комнате, затем подошел к Марату и произнес:

– Увы, мой дорогой, плохи наши с вами дела. Мы, мужчины, как более слабые существа умрем первыми от голодной смерти, а женщин, может быть, еще успеют спасти.

– Типун тебе на язык, – сказала Галя.

– Значит, у нас нет света, еды и автомобиля, – подытожил Марат.

– Если бы, – горестно откликнулся Шилов, – самое обидное, – это то, что у нас нет справедливости. Посудите сами: некоторые спят, невзирая на то, что им не предстоит дальняя дорога, ибо не на чем ехать. Другие идут в леса, на заготовку дров; возвращаясь, они совершают ошибку, опять же, движимые благородной целью, и что же мы видим, – те, кто спали без задних ног, ходят чистыми, а на других – всех собак вешают. Все-таки прав был поэт: «Не выходи из дома, не совершай ошибок».

– Может быть, его застрелить? – предложил Марат, обращаясь к Гале.

– Ты, что, Марат, – воскликнула Галя, – а за дровами, кто будет ходить?

– Однако, перспектива у нас не самая радужная, – заметила Вероника, – а я то, как дура, ела утром картошку, давилась. Как бы она сейчас пригодилась.

Шилов простер к ней длань и сказал:

– Знаете ли вы, что это такое?

– Ну?

– Костлявая рука голода, – страшно сказал Шилов и завыл – у-у.

В следующее мгновение, словно вторя ему, до их слуха совершенно явственно донесся жуткий звериный вой.

– Господи, что это? – испуганно сказала Вероника.

Галя обвела всех взглядом.

– А это, мои дорогие, те самые волки, почуяли, что мы в западне, гады!

– А я вот им сейчас покажу, кто в лесу хозяин, – озлобился Шилов, и, схватив ружье, выбежал во двор, где произвел два выстрела в воздух.

– Думаешь, напугал их, – спросила Галя, когда Шилов, ободренный собственной смелостью, вернулся в дом.

– А то.

– Побереги патроны, дружище, – тоном заправского ковбоя, – сказал Марат, – они нам еще понадобятся. Пищу добывать, или отстреливаться.

– Ну ладно, Шилов, лезь в подвал, – скомандовала Галя.

– А можно, я еще погуляю, – попросил Шилов.

Из-за Галиной спины донеслись странные звуки. Это Вероника давилась смехом.

– Я, Галя, сказал, про то, что во мне проснулись гены партизана, а не карателя, – заметил Шилов, – я не собираюсь теперь жить в подвале.

Галя погладила Шилова по голове.

– Ну, что ты, Саша, в подвале картошку надо поискать.

- Я вчера все выгреб.
- Саша, полезай в подвал и ищи, иначе мы помрем с голоду.
- Галя, но там же темно, – жалобно сказал Шилов.
- А Марат тебе фонарик даст. Марат, дай ему свой красивый фонарик.

Марат достал из нагрудного кармана тонкий фонарь в виде авторучки и протянул Шилову.

– Эхма, – сказал Шилов: взял в руки фонарик, откинул половичок, вытащил из пола две доски и со словами: «Считайте меня коммунистом» буквально провалился под землю.

– Там, по углам пошарь, – посоветовала Галя и пошла на кухню. В ответ Шилов продекламировал: «В глубине смоленских руд, храните гордое терпенье, не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремление».

Марат сел на диванчик рядом с Вероникой. Она немедленно обхватила его шею и горячо зашептала в ухо: «Ты, что же, подлец, такой, не хочешь спать со мной?»

- Увы, – ответил Марат.
- Я все равно приду к тебе ночью, – продолжала Вероника.
- Мы здесь вдвоем не поместимся, – пытался возражать Марат, – если только ты на меня ляжешь.

– Да, – согласилась Вероника, – но лучше ты на меня.

Вернулась Галя, неся толстый желтый огарок сечи:

- Насилу нашла. Марат, у тебя есть спички?
- Баня готова, – сказал Шилов, – пошли париться.

Баней служило небольшое деревянное, некрашеное, а потому почерневшее от времени строение, все больше и больше вставшее в землю. Маленькая узкая дверь, скорее напоминавшая садовую калитку, нежели вход в баню, к тому же неплотно закрывавшуюся, так сидя в предбаннике, куда человек попадал, согнувшись пополам, можно было видеть единственную деревенскую улицу, лежавшую выше уровня бани. Лязгая зубами от холода, Шилов мгновенно разделся, и вполз в парилку, куда вела дверь еще меньшего размера, чем входная, она напоминала амбразуру дота, следом за ним пролез и Марат. Баню топили по черному, поэтому изнутри она была еще чернее, чем снаружи. Сильно пахло дымом. Из крошечного оконца под потолком, проникал тусклый свет.

– Это называется, ты баню протопил, – сказал Марат, забравшись на полоч, – кажется, здесь холодней, чем на улице.

– Спешка до добра не доводит, – не оправдываясь, философски заметил Шилов, – но ничего, ща поддадим, будет нормально, возможно, что ты и с полки слезешь.

– Это вряд ли, – сказал Марат, – пока баня не остынет, я отсюда никуда не тронусь. Мне торопиться некуда; башка болит, машина не заводится.

– И то, – согласился Шилов, – ах, ты, блин, веники забыл замочить.

Сверкая задом, он вылез в предбанник и вернулся с двумя высохшими вениками. Положил в шайку, залил кипятком. Потом набрал в ковш холодной воды и плеснул на камни.

– О, уже лучше, – заметил Марат.

Шилов плеснул еще и еще. Волна горячего пара затопила помещение.

– А-а, – отозвался Марат, почувствовал, как лицо покрывается испариной, – на зубах что-то скрипит.

– Это сажа, – сказал Шилов, – он поддал еще раз и присел.

– Пар есть? – спросил он.

– Есть, есть, – задуханным голосом ответил Марат, горячий воздух перехватывал дыхание, – хорошо.

И сказал он, что это хорошо, – добавил Шилов, подсел к Марату, закрывая уши. На носу его висела крупная капля.

– А что, башка-то болит до сих пор?

– Да.

– Ничего, сейчас пройдет, надо было похмелиться.

– Я не похмеляюсь.

– Ну и дурак.

– Сам дурак. У меня не от этого башка болит, а от угара. Говорил Гале, не закрывай выюшку раньше времени, она все равно закрыла.

– Да, Галя – женщина упертая, чижолая.

– Это оттого, что она до сих пор не замужем, – сказал Марат, – вот, женишься на ней, она проще станет, и добрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.